

Незнакомка

Алексей Блинов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Блинов

Незнакомка

«Автор»

2024

Блинов А. В.

Незнакомка / А. В. Блинов — «Автор», 2024

Макс Воронцов – городской растяпа, начинающий писатель, крайне забывчивый и одинокий парень - случайно заходит в кафе, где, несмотря на отсутствие клиентов, за его столик неожиданно присаживается красивая девушка, но после короткой беседы она внезапно уходит. Макс, конечно же, теряется, так как это у него лучше всего получается и, когда кидается её догнать, девушка уже исчезает в метели. Он понимает, что влюбился в эту таинственную незнакомку, но не знает, как её найти...

© Блинов А. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Блинов

Незнакомка

*Роман о сказочной любви,
О том, как время ход меняет.
Мои лишь строки, а шаги
Герои сами совершают...*
Незнакомка

Часть первая

Пользуясь всеобщей оторопью, под грохот сотрясающейся экономики, зима вконец обнаглела и вдарила в ноябре. Минус двенадцать, даже днём.

Кутаясь в длинный красный шарф, подняв воротник серо-чёрного пуховика, Макс семенил по щедро посыпанному реагентами тротуару, сильно смахивая на нахохлившегося снегиря. Он бы не оказался в этом переулке, между чудом уцелевших старинных особняков, под неусыпным надзором могучих львов и кокетливых взглядов полуголых кариатид, но от встречи с издателем не отвертись, да и встреча, собственно, нужна только ему, впрочем, как и его назойливые книги. Мир старался не замечать его нестандартные строки, не копаться в этих слишком светлых мыслях, а если кто и обращал внимание, то тут же крутил у виска: «Очередной писюк-философ. Нам оно надо? Мы сами с усами, да и вообще, есть проблемы и поважнее, чем о любви кричать».

Когда Макс был ещё ребёнком, до практичного и хваткого отца быстро дошло, что его младший сын – точь Иван-дурак, мягкотелый разиня. Но отец любил этого оболтуса, понял, что толком из него ничего не выйдет, хотя пару раз к мозгоправам и водил. Поэтому, даже когда Макс перевалило за двадцать, он продолжал содержать непутёвого отрока, правда, сам уехал аж в Австралию, исправно посылая деньги, а их у него было немало. Чтоб его «Иванушка» не впал во все тяжкие, денег давал в обрез, а Макс много и не надо. Машина не нужна, куда такому рассеянному за руль, он в ногах-то путался, квартира от бабки досталась в самом центре города, а ноут ему старший брат подогнал в одну из редких встреч. Что касается матери, так она бросила их всех лет десять назад и ускакала в Европу с каким-то расфуфыренным ценителем живописи. Наверное, творческую жилку младшенький сыночек унаследовал от мамы, да и всю эту импрессионистскую философию тоже.

Совещание было назначено на два часа пополудни, но Макс, как всегда, перепутал время, сейчас всего одиннадцать, а он практически доплёлся до офиса издателя. Недотёпа повертел головой в поиске кафешки, зацепился взглядом за грузинский ресторан, но сразу же отмёл эту идею, на карточке остались крохи, а отцовский транш доберётся до его кармана аж в начале следующего месяца. Макс не был лентяем, пытался зарабатывать, но каждая попытка заканчивалась полным фиаско. Уже на следующий день работодатель под тем или иным предлогом указывал на порог. С такой несобранностью и забывчивостью сотрудничать желанием не горели, и по этой же причине у него не было друзей, тем более девушки. Он настолько глубоко окунался в свои фантазии, что мог запросто выйти из дома в шлёпанцах или забыть закрыть дверь. Путал дни недели, терялся в метро, проезжая мимо своей станции, а с часами вообще не дружил. При всех этих недостатках глупым он не был. Ухватывал суть – ту самую, скрытую от стандартного взгляда, поэтому и писал свои рассказы, тщетно стараясь раскрыть глаза наивным обывателям, с наслаждением барахтающихся в море обмана.

Если бы Макс был художником, то на его картинах непременно яркие, обжигающие сетчатку мазки, несуразные контуры неожиданного сюжета, пугали зрителя не меньше замысловатых строк и напоролись бы на куда бльшие штыки. Конечно же, при наличии хотя бы одной пары глаз стандартного зрителя.

Макс «выбросил» грузинский ресторан в замызганный сугроб и свернул на тихую улочку, усеянную дорогими машинами. Шаркая заляпанной грязью обувью, доковылял до зелёной витрины магазина и на свою удачу через приветливые двери зашёл внутрь. В самом конце торгового зала, за полками, ломящимися от заморской снеди, приютился невзрачный кафетерий, скромненький, то что надо. Заказав два бублика и чай с ромашкой, Макс выбрал подходящий столик. Это оказалось плёвым делом, так как все посадочные места были свободны, кинул

куртку и шарф на подоконник и вернулся за ожидающим его потным чайничком и разогретыми бубликами. Рассчитавшись за нехитрый перекус, пошёл обратно и... привычно растерялся. Дело в том, что за его столиком сидела молодая девушка в коротенькой дымчатой шубке, серой юбке и сапожках на небольшом каблучке.

Макс, зная о своей рассеянности, решил, что он, как обычно, всё напутал, уже было дёрнулся занять другое место, но увидел красный шарф и пуховик на подоконнике – аккуратно там, куда он направлялся изначально. Все места были свободны, а незнакомка уселась почему-то именно за его столик. Покачавшись на весах сомнения, он всё-таки отважился приземлиться у своего пуховика, посчитав этот подвиг крайне логичным.

Деловито посапывая в губу, налил чая в стеклянную чашку, всыпал два пакетика сахара и, перемешивая напиток деревянной палочкой, шальной от стеснения, украдкой, всё же разглядывал девушку.

Она смотрела в окно, опершись подбородком на раскрасневшиеся от мороза ладони, медленно моргала длинными ресницами и казалось не замечала его. На указательном пальчике красовалось бронзовое кольцо-печатка, а на запястье широкий, тоже бронзовый браслет, усыпанный густой витиеватой вязью. На ангельском бархатном личике румянились чуть пухлые щёчки – очевидно, девушка замёрзла, гуляя в такую погоду без шапки.

Сердобольный Макс сходил за второй чашкой, плеснул туда чая и не решившись добавлять сахар, просто подвинул чашку ближе к её локтям. Но на этом его галантность не иссякла. Сравнив размеры бубликов между собой, измерив дырки пальцами, выявив микроскопическую разницу, «Архимед» расстелил возле себя салфетку, положил на неё «маленький» бублик, а тарелку с «большим» предоставил скучающей красавице.

Незнакомка наконец отлипла от окна и внимательно посмотрела на щедрого парня выразительными глазами с изумрудным отливом. На волнистых, цвета чёрного шоколада густых волосах ещё мерцали снежинки, быстро превращаясь в капельки росы.

Девушка аккуратно взяла чашку за стеклянное ушко, сделала пару маленьких глотков, вернула на блюдечко, встала и сняла шубку, положив её на тот же подоконник. Длинное шерстяное серое платье великолепно подчёркивало точёную фигуру. Казалось, что огромный янтарный кулон на толстой бронзовой цепочке может легко её опрокинуть, если вдруг она неосторожно наклонится вниз.

Усевшись обратно, незнакомка грациозно отломала кусочек бублика и отправила в капризный чувственный рот.

Макс, не имея опыта общения с девушками, привычно молчал, старательно юзая свой бублик и основательно ёрзая на пластиковом стуле. Когда чай у незнакомки закончился, она мягко подтолкнула блюдечко с чашкой чуть ближе к пузатому чайничку, скользнула случайным взглядом по залу магазина и вновь устала в окно. Макс умудрился догадаться долить ей напиток, даже вернуть чашку хозяйке, но дальше вовсе не думалось, лишь грай панический, глумливый бескрылых мыслей в голове. Сконфуженный от неловкой ситуации, кляня себя во всех грехах, он принялся тщательно изучать вычурные полки, рассматривая яркие этикетки шоколадок и броские коробки с конфетами. Читая заморские буквы, вспоминая иностранные слова, которые вовсе не знал, он вдруг надрывисто и излишне громко, пересилив свою дурацкую застенчивость, всё же осмелился обратиться к девушке:

– Вы шоколад любите?

Ему показалось, что она улыбнулась, но так осторожно, что он не был в этом уверен. Решив, что сморозил очередную глупость, Макс вылупился на горошины мака на мятой салфетке, не найдя ничего лучшего, как посчитать их. Её «люблю», буквально выдернуло его из «увлекательного» занятия. Рука «арифметика» вместе с прилипшей салфеткой стукнулась о

чашку, чашка о чайник, а чайник только каким-то чудом не свалился на пол. Макс даже успел заранее охнуть, предрекая его неминуемую гибель.

– Люблю, – повторила незнакомка, двигая чайник за носик ближе к середине стола

– Вы о шоколаде? – растерянно переспросил Макс. Она кивнула и медленно моргнула, подтверждая свою любовь к шоколаду. Затем сдула салфетку с его ладони и с облегчением откинулась на спинку стула:

– Только горький, ну, в меру горький, без начинок разных.

Руководствуясь исключительно своим вкусом и интересом к новому, выбор Макса пал на шоколадку с зёрнами кофе. Занятие это его столь поглотило, что прошло немало времени – и чай остыл, и девушка согрелась.

Когда он, наконец, вернулся и торжественно протянул ей плитку, вдруг опомнился:

– Ой, вот же я дурень, она с зёрнами кофе, простите мою рассеянность, это мой бич.

– Рассеянность? – незнакомка отломала квадратик от шоколадки и переспросила по обыкновению подвешенного Макса:

– Твой бич – это твоя рассеянность?

– Да, такая основная черта характера: жирная, неуклюжая чёрная полоса.

– А почему чёрная?

– Да потому что черкает все светлые начинания.

– Это как?

Незнакомка слизнула крошку с пухлой верхней губы и уточнила свой вопрос:

– Мешает жить?

– Да, не то слово, – Макс обречённо махнул рукой по чашке, – всё путаю, забываю. Кто с таким дело-то иметь будет? Растяпа.

– Это вы сами себя таким титулом наградили или надоумил кто? – спросила незнакомка, подвинув его чашку к себе, подальше от края.

– А ты, извините, вы, не видите, ну, рассеянность мою? Не напрягает? Нестандартный детина, заблудившийся в детских грёзах, – Макс обиженно отвернулся и принялся считать снежинки на стекле.

– Напрягает? Вот ещё, я вижу романтического молодого человека, незаурядного и беспричинно печального.

Он удивлённо обернулся – собеседница улыбалась. Кулон задорно подмигнул ему, переключил внимание на себя, и теперь Макс видел только здоровенный кусок янтаря.

– Детские грёзы – это же здорово... это, как сок, – далёкий голос незнакомки доносился со всех сторон: и слева, и справа, и даже со спины.

– Сок? – спросил Макс, не совсем понимая, с кем он разговаривает. Жёлтый туман клубился над бесконечной жидкой столешницей, размывая физические границы, стирая грани бытия.

– Ага, свежавыжатый – фреш, – кулон ярко вспыхнул и погас. Привычные очертания мира тут же вернулись.

– Он долго не хранится, надо каждый день выжимать, зато самый вкусный, – незнакомка как ни в чём не бывало сидела на своём стуле и, казалось, сдерживалась, чтобы не рассмеяться. – Посмотрите вокруг, много вы видите людей с цветущими садами в душе? Посмотрите, посмотрите. Мне интересен ваш вердикт.

Макс постучал костяшками пальцев по столу, удостоверился в его былой прочности, буркнул что-то невнятное и с опаской оглядел торговый зал, уступая настойчивости загадочной особы. Покупателей в магазине было не так чтобы много, но у касс человек пять топталось: женщина среднего возраста, две старушки, мальчик-подросток и мужчина с прилипшим к уху

телефоном. Юнец излишне дёргался и горбился, бабки таранили друг друга тележками, дама – мрачнее тучи, а болтун постоянно повышал голос, брезгливо гримасничая.

Колючки, да крапива, канавы, пустыри, ошмётки позитива – тщедушные цветы.

Макс помолчал, по-старчески пошамкал губами и кратко ответил:

– Да не особо.

– Сухо. Добавьте поэзии.

– Куда добавить?

– Не куда, а во что. В ваш ответ, разумеется.

– М-м-м, у всех концентрат разбавленный, долгоиграющий, так и булькает.

Тут девушка впервые засмеялась в голос и Макс почему-то передалось её веселье и уверенность. Не ожидая от себя такой дерзости, ну, по его убеждениям – зато предсказуемо глупо, прямо смотря ей в глаза, он простодушно поинтересовался:

– А почему вы за мой столик сели, полно же свободных?

Незнакомка снова замкнулась и опять уставилась в окно, слегка задрвав вздёрнутый носик. Длинные ресницы скрывали зелёные глаза, и было не разобрать, закрыла она их или смотрит на снежную дорогу под колёсами редких машин. Макс скакал на стуле, будто на кол уселся, не переставая себя ругать за бестактность. Замучил белую салфетку, затискал пакетик с сахаром.

– А ты не рад? – Она перешла на «ты», он даже не сразу заметил. Открыл было рот, чтобы ответить:

– Конечно, рад, очень рад, – но незнакомка вдруг встала, кулон сердито закачался, девушка накинула шубку на свои юные плечи и, ни разу не взглянув на закостенелого тугодума, бросила сухое «спасибо за чай», «особенно за зёрна кофе», торопливо направилась к выходу.

Макс уплыл за горизонт, наблюдая, как красавица исчезает в дверях магазина, потом всё же опомнился и пустился следом, надеясь её догнать.

На ходу застёгивая пуховик, пыхающий клубами пара юноша заметался по коротким улочкам, высматривая хрупкий силуэт. Львы и кариатиды так громко гоготали, надсмехаясь над ним, что он едва не угодил под машину. После нескольких часов поиска, замёрзший и подавленный, Макс, спотыкаясь о собственную неуверенность, поплёлся домой, забыв о встрече с издателем.

Случайность – вот величина, способная менять значения, любовь горазда сочинять и выбирать своё течение.

Всю следующую неделю в перерывах между неистовой писаниной он шатался по улочкам, которые примыкали к тому самому магазину. Сидел часами за тем же столиком, но встретился лишь со своим красным шарфом, который ему любезно вернул охранник, хотя Макс и не спрашивал.

Побежали дни тянучки, утром скучно, ночью скучно, вечерами плач отчаянный и мерцающий экран. Буквы в строчки, многоточья, мысли прыгают на кочках: не бывает встреч нечаянных, даже если жизнь — обман.

Макс старательно возводил мосты, прокладывая логические дороги, задавал себе целый ворох вопросов, но на самый актуальный – «почему она села за его столик?» ответить не мог. Пытался выкинуть девушку из своей дурной головы – но какое там! Даже несмотря на значительные бреши в его черепной коробке, образ прекрасной незнакомки не улетучивался. Напротив, её ошеломительные изумрудные глаза преследовали его повсюду, каждый миг, на каждом метре бесполезной круговерти.

Немудрено, что Макс сдался, осознав поистине светлую мысль: случайностей не бывает. Это озарение принесло ему ещё больше мучений. Он не знал, что делать дальше, зато перестал тратить уйму сил на глупую борьбу с любовью, которую впервые испытал. Теперь он специ-

ально вызывал в памяти ту встречу во всех деталях, по многу раз переписывал их разговор, перечитывал, недовольно хрюкал и начинал заново, дополняя мимолётную беседу крохотными нюансами. Величайшей трудностью оказалось припомнить число маковых зёрнышек на салфетке, пришлось импровизировать.

Время сделалось густым, буквально прилипло к циферблату, но умудрялось бежать вперёд. Зима окончательно поглотила город, а Макс проглотил наживку. Крючок больно терзал его душу, но удочку никто не дёргал. Он плаксиво барахтался в море печали, стоически претерпевая сердечные муки, не теряя надежды, что рыбачка соизволит вытянуть его на берег.

Ближе к Новому году, следуя эстетическому велению, Макс забрёл в антикварный салон на выставку картин из частной коллекции. Зашёл случайно, привлекла знакомая фамилия именитого художника – Саврасов.

Купил билет и, повесив пуховик на плечики, принялся блуждать по центральному залу, хаотично заглядывая в примыкающие комнаты, где тоже, толкаясь массивными рамами, ютились полотна признанных мастеров. В одной из таких комнат он и увидел знакомый силуэт. В этот раз платье было чёрное. Она с интересом смотрела на увековеченный художником закат, совершенно не замечая редких посетителей. Он приблизился к ней на привычно ватных ногах, излишне горбясь, прячась в плечи, остановился за её спиной в нескольких метрах, лихорадочно моргая и лапая воздух, дабы убедиться, что перед ним не мираж.

– Красиво.

Макс быстро убрал руки в карманы, вытянулся в струнку и огляделся. Никого, кроме их двоих, в комнате не было. Значит, она говорит с ним. Значит, заметила его.

Не поворачивая головы, незнакомка повторила:

– Красиво, даже чувствуется духота вечера и слабый ветерок... да?

Макс взглянул на винегрет красок и тоже уловил ветерок в довольно небрежных мазках.

– «Духота» – не очень лицеприятное слово для картины, но не в этом случае. Мне кажется, художник так передал свою усталость, некое разочарование.

Макс облизал пересохшие губы и спросил:

– От чего? Ну, разочарование.

– От непонимания, от того, что люди не хотят видеть, слышать, думать. А ветерок символизирует надежду, – девушка, наконец, обернулась. – Надежду на восход, – кулон качался на своём месте.

Макс кивнул ей – как-то дёргано —и даже пошатнулся, что заставило её улыбнуться:

– Приветик, растяпа.

– Здравствуйте.

– Заел официоз, давай уже на «ты». Меня Вероника зовут, а тебя?

– Макс.

Вероника повторила его имя, взяла под руку и повела в другую комнату. В пряном облаке духов, слегка терпком, но приятном, с нотками гвоздики, в окружении картин в толстых золотистых рамах, в непривычной тишине Макс сделалось так хорошо, как он давно желал. Бурная река угомонилась и зашуршала ровным безмятежным потоком. Бархатный голос, лёгкая поступь убаюкивали его давно не спавший ум.

– Теперь за формой гоняются. Иногда смотришь на картину – фотка прямо! Любуешься, восхищаешься, а потом чувствуешь искусственность какую-то, неживое всё. И утка игрушечная, и берёзы не шелестят. Жизни нет, понимаешь? Слишком стандартно.

Макс кивнул, но Вероника, судя по всему, жест согласия не заметила:

– Или ты иначе считаешь? Скажи, я не права?

– Я в картинах не знаток, но такие мысли меня тоже посещали —скорее, по наитию.

– Вот именно, я об этом и говорю: инстинкт вкуса – или есть, или нет. От ума и образования никак не зависит. Это, скорее, зрение, чем рассуждения. Никакой логики, логика искус-

ству вредит, сухая она, как статистика. Правила – они на дороге хороши, а для крыльев это цепи, холодные железные оковы.

Они походили по выставке ещё минут сорок. Он бы ротозейничал и дальше, хоть целую вечность, но Вероника притащила его в гардероб.

Макс так размяк в её компании, так прилип к трепетному локтю, что с трудом отцепился, и то только потому, что даме надо было надеть шубку. Не дожидаясь, пока он за ней поухаживает, Вероника сама сняла шубу с плечиков и сунула ему в руки, пояснив доходчивым жестом, что от него требуется. До Макса дошло, хотя и с задержкой. Он помог ей одеться и, накинув пуховик, поспешил за звонким цоканьем каблучков, боясь снова упустить вдохновение.

Сегодня было теплее, чем в тот день, Вероника даже не запахла шубку. Шла довольно размашисто, можно сказать, вульгарно и постоянно задирала голову вверх, любуясь витиеватой лепниной старинных особняков.

Макс семенил следом, утратив не только ощущение времени, но и слова. Метров через сто она остановилась и взяла его под руку:

- А поехали в зоопарк?
- Куда? – удивился Макс.
- В зоопарк. Я его терпеть не могу.
- Так зачем тогда туда ехать?

Вероника резко отстранилась, кинула ему: «Не провожай», – и опять исчезла.

Макс стоял, блуждая рассеянным взглядом по белым барельефам, украшающим фасад жёлтого здания, пожимая плечами и мусоля один и тот же вопрос: «При чём здесь зоопарк?» И стоял бы так ещё долго, если бы не увидел, как один из купидончиков хмыкнул, надув щёчки, и помахал ему пухлой ладошкой, мол, топай домой, городской растяпа.

Не найти и никогда не встретить — тоже та ещё беда, но потеря так бьёт плечью — страшным словом «навсегда». Что ужже, глотая слёзы, думаешь, что зря искал ту шипованную розу, если каждый раз терял.

Макс не понимал Веронику даже больше, чем себя. Взбалмошность – это явно её конёк. Он о ней так ничего и не узнал. Только имя. Ну, хоть что-то. Леди-икс, Леди само Совершенство. Мучительные дни разлуки, воздушные мытарства, унылые стенания, претензии к судьбе сподвигли Макса к невероятной дерзости: он в гордом одиночестве оприходовал целую бутылку вина, хотя до спонтанной встречи с любовью почти и не пробовал напитки крепче кефира.

В парах туманных алкогольных бродил по улицам мечты, но утром сделалось так больно от ощущения наготы, что захотелось похмелиться зелёным взглядом красоты, взлететь до солнца и разбиться, но на земле, где ходишь ты.

А где она ходила, он понятия не имел. Где живёт? Где учится? Вряд ли работает, юная совсем, хотя и этот вариант не исключается, мало ли. И вообще, местная она или в город лишь наскоками является? Может, в гости к кому приезжает, к родителям, например? Или к парню своему? Последнее предположение наделало немало шума в голове фантазёра. Смешно, но он ревновал, ревновал к видению. Ха-ха, да не до смеха.

Тридцать первого, часов в пять вечера, вздумалось ему проветриться, на витрины поглазеть, да на ёлки наряженные полюбоваться. Побродил обычным маршрутом по знакомым тихим улочкам, попинал бордюры, пока глубоко и бесповоротно не задумался и естественным образом не оказался на оживлённой площади. Толпа праздных гуляк тут же подхватила его и, пошвыряв, уже по гораздо более громким улицам занесла в душную кондитерскую.

Народу уйма, хоть отбавляй, а у прилавка, заставленного марципановыми фигурками, и вовсе творился ажиотаж.

Являясь верным адептом тишины, Макс незамедлительно наострил лыжи на выход. Планируя уплыть от суматохи, уже оттолкнулся от чьей-то внушительной спины, но тут, в самом дальнем углу, заметил «её». Облегающее кремовое платье, крепдешиновый сюрреалистичный шарфик, браслет, колечко, кулон – всё как положено, всё при ней. Вероника сидела одна, отстранённо читала книгу. Знаменитая шубка пылилась на соседнем стульчике. На столе – большая чашка и початая шоколадка. Пятно уюта, будто театральный софит, отвоевало для неё несколько квадратных метров у галдящей толпы, суета разбивалась о незримые барьеры, как волны о скалистый берег.

Макс потоптался, потолкался с посетителями, так как замер на самом проходе, и боязливо направился к ней. Задержав дыхание, нырнул в зону комфорта. Пристроил дымчатую шубку на скачущую вешалку, сел за лакированный стол, выдохнул и сконцентрировался на отчётливом биении ошалевшего сердца. Вероника молчала ещё минут пять, он, соответственно, тоже. Потом она подвинула шоколадку на его половину стола и, не отрываясь от чтения, сказала:

– Привет, и угощайся.

– Привет, – чуть слышно буркнул Макс и сунул кусочек угощения себе в рот, не чувствуя сладости.

Минут через двадцать она захлопнула книгу, положила её на диван, встала и с шубкой в руках поспешила к выходу, бросив на ходу:

– Пошли.

Толпа растаяла за первым же поворотом, стало тихо.

Снег валил стеной, злосчастные коммунальщики ушли в запой, поэтому дороги были чистые, белые и пушистые, и город хоть немного сделался сказочным. Она шла по обыкновению без рукавиц, прятала кулачки в рукава, плотно скрестив руки на груди, хлопала тяжёлыми ресницами и нестерпимо молчала. Крупные снежинки, похожие на куски ваты, ложились на её волосы, лицо и плечи – такая серебристая фата, зыбкая вуаль, прозрачная, но не настолько, чтоб разгадать маршрут похода.

Макс всё же рискнул спросить:

– А куда мы идём?

Вероника остановилась и, ни секунды не мешкая, ошарашила простым ответом, будто это и так было очевидно с самого начала:

– Ко мне.

Макс растерялся и обязательно перепутал бы что-нибудь, ну, или забыл, но в данный момент его рассеянность уже никак не могла навредить. На всякий случай он гнал все свои безумные размашистые мысли, кроме одной: главное – не открывать рта, чтобы не ляпнуть лишнего. Они зашли во двор-колодец древнего трёхэтажного здания, сделали несколько шагов, но вдруг она резко развернулась, схватила Макса за руку и потащила к красным вывескам через дорогу. Обстучав башмаки о ступени, чудаковатая парочка прыгнула в магазин, неряшливо приукрашенный к празднику гирляндами и пучками мишуры. Вероника встряхнула головой, снежинки посыпались на пол, быстро исчезая в грязном месиве. Оглядев хаотичные ряды стеллажей, не уяснив смысл их расстановки, не оценив аляповатый стиль убранства, она протяжно фыркнула, красноречиво моргнула и весело озадачила своего кавалера:

– Надо шампанское купить, ну, и поесть... наверное.

Макс старался взять дело в свои руки: чванно гарцевал павлином, вальяжно взирал на товар, важно цедил сквозь зубы «такс-такс-такс», но инициатива предпочла Веронику, поэтому на нужный уголок указал её аккуратный пальчик и ёмкая фраза «да здесь же».

У полок с напитками он завис окончательно, силясь разобраться в этой батарее бутылок. Увяз в болоте этикеток, дивясь картинкам разных форм. Маленькие циферки, большие буквы ни о чём ему не говорили, не проясняли патовую ситуацию. Дело серьёзное, абы какой бутылки не возьмёшь, надо ж фее угодить. Вероника снова пришла на помощь, спасла его от мук выбора, то ли заскучав в сторонке, понимая, что умственное сражение затянется надолго, то ли сжалилась над ним, а может, просто стоять устала:

– Возьми просекко, вон ту, – она кивнула на верхнюю полку, почесала свой розовый носик и добавила, – лучше две.

Макс достал бутылки, вцепившись в них, как в гранаты, будто под танк собрался, и так с ними и бегал по залу магазина за рыскающей в поисках чего-нибудь съедобного Вероникой, размахивающей густою шевелюрой и дымчатыми крылышками распахнутой шубки.

Съедобным, по её мнению, оказались сыр и шоколад.

Подъезд старого дома пыхал клубами мутного пара, от чугунных батарей валил жар, а из покосившихся рам, некрашенных с того века, сквозила стужа. Всё это небрежно смешивалось, как в салате на скорую руку – в такие крупные куски, что одной щеке было холодно, а другой жарко. Вероника поцокала каблучками по затёртым ступенькам, Макс, соответственно, припустил за ней, позвякивая бутылками в полиэтиленовом пакете. Широкие перила утопали в тумане, что придавало им ещё большее сходство с горной извилистой дорогой, убегающей далеко за облака. На крутом витке облупленного серпантина Макс задержал своё внимание и среди ошметков бурой краски узрел два сердечка, вплетённых одно в другое. Приписав этот символ любви на свой счёт, выстроив знаковую параллель, он прибавил прыти и поскакал по лестнице ещё проворнее, неуклюже болтая пакетом так, что бутылки уцелели чудом, не раз поцеловав бетон.

На последнем этаже, возле чердачного трапа с приветливой собачкой на коврик у коричневой деревянной двери, ровесницы самого дома, Вероника объявила:

– Пришли, – и толкнула старушку дверь.

В квартире было тепло, но темновато, мягко говоря. Макс посмотрел вверх, оценивая высоту потолка:

– Да, чуть ли не четыре метра, а то и больше, с кондачка лампочки не поменяешь.

Она поймала его взгляд и прочитала мысли:

– Озадачился, как я лампочки меняю? Так я их не меняю, – Вероника сняла шубку и стряхнула снег.

– Как это?

– А вот так. Жду, когда последняя перегорит.

– А потом? – Макс взял её шубку и повесил на вешалку.

– Не знаю, – Вероника пожала плечами, – уеду куда-нибудь.

– Куда? – Тревожно спросил Макс, прилаживая свой пуховик на соседний крючок.

– Туда, где светло и хоть что-то светит, – она достала из тумбы плюшевые синие и розовые тапки, небрежно сбросила сапожки, скользнула в свои розовые шлёпки, взяла пакет с добычей и зашаркала на кухню.

Там она вовсе не стала включать свет, а зажгла свечи.

Макс с наслаждением уселся на уютный диванчик, только сейчас ощутив усталость, с удовольствием вытянул ноги и охотно откинулся на невысокую кожаную спинку. Его фривольное поведение длилось ровно столько времени, сколько потребовалось хозяйке для наполнения чайника водой. Стоило ей обернуться на гостя, как он тут же скулчился, поджав разнужданные чресла и сторбившись в стыдливый роголик.

Вероника озадаченно хмыкнула, демонстративно расправила плечи и устроилась на табуретке с другой стороны небольшого квадратного столика со стеклянной столешницей.

– Ну, спрашивай, бомби вопросами, сегодня я не убегу, обещаю, – видя, что сутулый гость панически замаялся, хозяйка уточнила его радужные перспективы, – и не выставлю тебя за порог, ну, как минимум до утра. Вероника обворожительно улыбнулась и поправила прядь волос, привычным жестом откинув её за ухо.

Макс выдержал паузу, внутренне сгруппировался, собирая непослушные буквы в слова и довольно скованно невнятно буркнул:

– Вероника, а ты...

Она прервала его бурчание, внеся некую поправку в беседу:

– Макс, можно просто Ника.

Доморощенный интервьюер опять взял паузу, дабы выиграть партию в шараде и сформулировать вопрос заново:

– Ника, а ты одна здесь живёшь?

– Да, и не только здесь

Как говорится, лучше бы не спрашивал: чем дальше в лес, тем больше дров.

– А квартира твоя или снимаешь?

Следующие её откровения окончательно пошатнули его ментальную осознанность.

– Не моя и не снимаю.

– А чья она?

– Не знаю, ничья, просто квартира, живёт сама по себе, как кошка.

– А соседи?

Ника встала, заварила чай, натянув на заварник грелку-курочку, и с какой-то естественной ленцой ответила:

– А они меня не замечают.

– Это как?

– Ну вот так, не видят.

Макс решил дальше не копаться в таинственном образе жизни девушки, зато, изрядно покраснев и преодолевая смущение, поинтересовался, где туалет.

– В конце коридора, только там лампочка перегорела, возьми свечку, а то промахнёшься.

То, что у него есть смартфон, он вспомнил, когда уже вернулся на диванчик. Об этом открытии Макс доложил хозяйке своенравной квартиры, то ли признаваясь в своей рассеянности, то ли желая впечатлить красотку наличием модного гаджета:

– А у меня же фонарик на телефоне есть, вот я...

– Растяпа, – закончила за него фразу Ника и мелодично засмеялась. Пока весёлые нотки смеха витали по кухне, Макс успел сделать второе открытие, демонстрируя невероятную прозорливость:

– А у тебя, что, нет?

– Фонарика?

– Нет, смартфона.

– Не-а, – она отрицательно помотала головой, – мне он не нужен.

– Как это? Сейчас даже у любой старушечки приبلуда такая имеется, а ты девушка молодая, это прям не...

– Стандартно? – угадала Ника.

Он кивнул и замолчал, почему-то смеяться перехотелось. Здравствуй, товарищ ступор.

Пауза беседы затянулась, девушка продолжала лукаво улыбаться, а Макс скрипел кожаной обивкой диванчика, беспорядочно блуждая взглядом по стене, раскачивающейся в такт с песочной шторкой. Когда хозяйка положила ладони на стеклянную столешницу, широко раскинув пальцы веером, кухня устремилась вниз, будто у лифта оборвался трос. Макс судорожно

вцепился в липкое сиденье, чувствуя прилив крови к голове и таращась на Нику, визгливо заорал:

– Что это?

– Свободное падение, хорошая встряска для мозга, тебе точно не повредит.

– И куда мы падаем? – Макс потерял диван и теперь пытался ухватиться за стол.

– Да никуда, – Ника убрала ладони и недовольно фыркнула, – штанишки свои проверь, герой.

Виват порядку атомов, поклон благим намереньям. За мир привычный ратуя, он ползал с вдохновением.

– И я должен в это поверить? – промямлил Макс, рыская под столом в поисках своих тапок.

– Слова не сочетаются.

– В смысле?

– Никого смысла. Сядь уже, хватит пыль собирать.

Макс ещё раз посмотрел на её щиколотки, отметил грацию рельефа и сел обратно на диванчик.

– Ну что, нашёл?

– Что?

– Не знаю, то, что искал.

– Где искал?

– В Караганде, Макс. Где ты только что ползал?

– Под столом.

– Ладно, проехали, – отмахнулась Ника, – надо было меньше твой ор слушать и подольше попадать. Мой просчёт. Жалостливость меня погубит, – она обречённо выдохнула и легла щекой на ладонь, опираясь локтем о столешницу.

Опять эта гнетущая тишина. Макс гонял сонные мысли со всею страстью, на кою был способен, искоса зыряка на томно моргающую красавицу, ища зацепку для разговора. Зацепился за янтарь.

– Красивый у тебя кулон янтарный.

– Это не янтарь, это симбирцит, мой кокон.

– Я первый раз слышу. Дорогой?

– Понятие не имею, у меня он всегда был.

Макс хотел что-то уточнить, но пока тужился вспомнить, что, спросила она:

– А музыку можешь включить, ну, на смартфоне своём?

– Да, конечно! – обрадовался Макс тому, что хоть чем-то может быть полезен. Потыкал в экран, встряхнул, точь градусник, встал, поводит вытянутой рукой над головой, сел и, шлёпая безвольными губами, пессимистически промямлил:

– Странно, сеть не видит. А у тебя есть вай-фай?

Вместо ответа Ника налила чая в белые чашки с лилиями и распаковала одну из многочисленных шоколадок.

– Давай, пей, соратник по нестандарту.

Огни свечей плясали в её больших зелёных глазах, кулон елозил по лифу кремового платья, ухоженные пальцы ломали шоколад. В необычной квартире было так тихо, что он слышал, как она пьёт, каждый глоток. Шорох, шелест, неземная благодать...

Похоже, он задремал или замечтался, так как следующие её слова довольно резко вернули его на землю:

– Ах, сурок-то наш носом клюёт, ещё уснёт на самом интересном месте. Пошли, – Ника встала, взяла блюдечко со свечкой и вышла из кухни.

– Вот, ложись, подрыхни, у меня дел полно.

Макс зашёл в комнату: прохладную, совершенно тёмную и уселся на пухлый диван, поглядывая то на хозяйку, то на её тень на стене. От окна прилично сквозило, штор не было, но свет с улицы куда-то пропал, будто и там все звёздочки перегорели.

Ника поставила свечку прямо на пол, возле единственного предмета мебели:

– Это чтоб тебе страшно не было, мало ли, приснится чушь всякая.

Макс продолжал таращить глаза, теперь уже на огонёк свечи.

– Вот я дурында, – Ника шлёпнула себя по лбу и, шурша тапочками, прытко убежала. Через минуту вернулась с подушкой и шерстяным одеялом:

– Теперь полный комплект, ложись.

Макс взял плотную большую подушку и сконфуженно растянулся на диване.

Гостеприимная хозяйка заботливо укрыла его одеялом, положила ладонь на лоб и... Макс моментально отрубился.

Поплыл в реке молочной, божественно густой, вдыхая запах сочный, лаская сон рукой.

На него кто-то прыгнул, походил по ногам, забрался на грудь и замер. Послышалось томное урчание, Макс почувствовал ниточки усов на подбородке. Хотел открыть глаза, но лишь приподнял веко. Сквозь узенькую щёлочку мерцала свеча. Новая попытка овладеть своими глазами не привела ни к чему хорошему, непослушные веки наотрез отказались подчиняться, беспомощно трепыхаясь, как опалённые мотыльки на блюдечке. Хозяин строптивного тела взял паузу, отдышался, сконцентрировался на борьбе за право видеть и повторил усилиеприоткрылся второй глаз, поверх одеяла уселась чёрная кошка. Макс попробовал пошевелить рукой или ногой, удалось только скрючить мизинец. – Паралич не победить! Сделав такой сокрушительный вывод, слушая грохот взбесившегося сердца, герой страдальчески зажмурился, питая надежду что это, мол, сон.

Кошка перебралась на подушку. Стало жарко, особенно голове, будто на неё натянули толстую меховую шапку. Страх растаял, Макс дал второй шанс своим глазам и скомандовал им открыться, внутренне подготовившись к продолжению бунта, но веки охотно распахнулись.

Диван окутан седой дымкой, под потолком сиреневый, даже скорее фиолетовый, свет. Макс приподнялся и огляделся. От окна прилично сквозило, хотя его и не было. Ни стен, ни пола, диван да дверь, ну, и кошка на троне. Мурка сидела на здоровенном стуле, с высокой кожаной спинкой и не моргая пристально пялилась на него изумрудными глазами. Макс захотел встать, скинул одеяло, но тут же укутался обратно. Он был совершенно голый.

– Ты что, кошку стесняешься?

– А! Только эта буква соскочили с его языка.

– Вставай, гости ждут, – кошка флегматично хмыкнула, спрыгнула с резного постамента и чванливой походкой вышла из комнаты. Макс проводил взглядом пушистую болтушку и вернул внимание на стул: на широком сиденье лежала аккуратная стопка одежды, а на спинке красовался вечерний смокинг стального цвета. Облачившись в несвойственный для себя наряд, приняв облик важной птицы, Макс направился к выходу и только теперь осознал, что он без обуви. Седая поволока была настолько вязкой и плотной, словно серый палас, поэтому пару ботинок он отыскал с превеликим трудом.

Щеголять в нарядах царских учат деток с малых лет, если нет замашек барских – значит, и короны нет.

Макс уверенно шёл через анфиладу янтарных комнат, стуча каблуками по мозаичному паркету. От созерцания вычурных узоров он зашатался и схватился за свою любимицу неуверенность – вернул себе привычную рассеянность. Ему полегчало, каблуки уже так не грохотали, а робко семенили крайне сбивчивым ритмом. Макс шарахался от эпатажа как чёрт от ладана, хотя в душе и был Че Гевара. Он боялся опростоволоситься даже больше, чем сдохнуть под танком, ну, или от зубов волка. Наверное, поэтому на протяжении всей его неуклюжей жизни за ним гонялся свой особенный плюшевый танк и вечно голодная стая сомнений.

На развилке коридорной он завис. Куда пойти? Повертел головой и встретился взглядом с арлекином на мраморной вазе. Шут скосил глаза налево, Макс направился туда, любуясь портретами королевских особ, восхищаясь великолепием лепнины тончайшей работы. В конце пути он упёрся в широченную мраморную лестницу, облачённую в красную дорожку и щедро усеянную белыми статуями. Макс привычно засопел, заученно попыхтел, сомневаясь в дальнейших действиях, но холодная рука какого-то заскучавшего изваяния нетерпеливо подпихнула его вперёд – довольно сильно, он аж споткнулся. Лестница всё не кончалась и не кончалась, мраморные лица подтрунивали над ним, гримасничая и хихикая. Максу это порядком надоело, он разозлился и слюняво шикнул: «Заткнитесь, хватит». Гогот смолк, показались высоченные ворота, всего через один пролёт. Макс побежал вверх, замелькали ступени, но стоило ему оказаться перед вожделенным входом-выходом – признаться, ему в тот момент было уже наплевать – как он тут же оказывался на том месте, с которого начинал свой забег. После десятка безуспешных попыток он обессиленно и грузно плюхнулся на ворсистую дорожку, чуть не плача. Статуи взорвались, но не в прямом смысле – это было бы не столь страшно, нет, они разразились гомерическим хохотом, хлопая белёсыми губами и вздрагивая окоченелостями. Один пузатый мальчуган так усердствовал, заливаясь писклявым смехом, что свалился с поста-мента. Статуи хором охнули и заткнулись, а пухляк потупился на отлетевшую метра на два ручонку, глотая невидимые слёзы. Макс подобрал несчастную конечность и сунул в уцелевшую руку мальчугана. Тот всхлипнул и полез обратно на свой пьедестал, но это ему никак не удавалось. Пришлось помочь ехидному бедолаге. Макс больше не бежал. Он выключил неуёмного торопыгу и включил что-то более подходящее его нынешнему облику, щёлкнул тумблером в голове. Теперь ступени не чудили, а у ворот его поджидали два вооружённых ружьями и саблями придворных гренадера в синих мундирах и киверах с золотыми кутасами.

Когда он встал перед массивными дверьми, стражники, вдарив каблуками, вытянулись в звенящие струнки. Ворота опередили намерение Макса их толкнуть, открылись сами с помпезным скрипом.

Он успел уловить лишь кусочек оживления и праздничного шума. Бравая музыка стихла, топот бесчисленных ног и голосов замер, повисла абсолютная тишина. Только шуршание дамских нарядов и сдержанные придыхания. Макс влажно хрюкнул и переступил порог в этот вакуум безветрия.

Булькнул разум в амальгаму, зазеркальную страну, отразился мир шикарный, во всех красках наяву.

Огромные золотые канделябры в человеческий рост, украшенные дракончиками, хрустальные люстры на тяжёлых цепях, тысячи свечей, искры бриллиантов, жемчуга на открытых шеях красавиц, чопорные кавалеры в расшитых шёлком мундирах, и всё в том же духе. Короче, неподготовленный зритель может и свихнуться.

Утратив пульс, остолбенев от буйства красок, Макс затаил дыхание и посчитал свечи в канделябре. Перепроверил, переключился на другой треножник, но вдруг слева от него завопил крючковатый старикан в кудрявой шапке-парике:

– Князь Макс Воронцов!

Зал наигранно охнул. Плюгавенькая худенькая впечатлительная особа выронила веер и рухнула в обморок на руки статного мужчины с пепельными баками и усами.

«Откуда они мою фамилию узнали? Какой, в жопу, князь? Чё за маскарад?» – Макс закидывал в топку разума вопросы, одно поленце за другим, кусая уже распухшую губу.

Он бы её вовсе съел, если бы кружевная красotka в платье – точь грелка на чайник – не стала натягивать на него пышное накрахмаленное жабо.

– Зачем? Макс попытался отстраниться от назойливого внимания, но нахалка ухватила его за рукав и вернула на место:

– Надо, Ваше сиятельство, надо, – она покончила с воротником и до кучи прилепила лохматый пурпурный орден на лацкан.

– Усё, – дамочка похлопала его по плечу, присела в глубоком реверансе и растворилась в толпе.

Заблудившийся контуженный Макс, желая разрядить повисшее напряжение, поздоровался:

– Здравствуйте, – и робко кивнул.

Ноль реакции. Он повторил:

– Здравствуйте.

Тишина.

Макс, не переставая всё это время дёргать пуговицу, всё же оторвал её. Она упала возле его ботинка. Он наклонился, чтобы поднять беглянку, и в этот момент мужчины громыхнули каблуками и замерли, как истуканы, а барышни зашлись в книксенах, даже не думая останавливаться.

Макс догадался, что от него что-то ждут, некоего действия, и теперь уже осознанно поклонился в пол, шкрябая чёлкой мозаичный паркет.

Всё повторилось с удвоенным рвением: и стук каблуков, и пляска в присядку.

Он хотел дать дёру, но вспомнив ржание статуй, подталкиваемый любопытством, пошёл, не зная зачем, не зная куда, но вперёд, постоянно поправляя назойливое жабо.

Макс плыл, как могучий ледокол, рассекал пёструю толпу, словно многотонные льды. Отзываясь на каждый шаг, как по волшебству, расфуфыренная публика расступалась, не переставая оказывать уважение, выпячивать своё восхищение за рамки разумного.

В конце зала на возвышении стоял отдельный стол, активно украшенный цветами, фарфором и вазами с фруктами. За ним никого не было. Рядом отиралась полуголая девица с серебряным кувшином. Макс, махнув рукой на скромность, уселся за этот обособленный стол и только теперь заметил группу скрипачей в углу за массивными колоннами. Он по-прежнему неуверенно поманил девицу с кувшином, та моментально подскочила и наполнила глубокий хрустальный бокал густым гранатовым вином. Макс хотел от неё не этого, но в итоге шепнул:

– Спасибо, – и пригубил напиток.

Вкус оказался восхитительным. Два глотка – и дно сухое.

Полуголая снова припрыгала к нему и пока доливала вино, он успел спросить:

– А почему не танцуют? Почему скрипки умолкли?

Девушка заорала на весь зал – не дай бог с такой скандалить, заорала визгливым пробирающим до костей воплем:

– Князь желает веселья!

Скрипачи вдарили по струнам, дамы вцепились в кавалеров, и понеслась круговерть разухабистая. К чертям жеманство и смущение!

От вина разыгрался аппетит. Каким-то образом, разгадав его намерение подкрепиться, невесть откуда нарисовалась пухленькая тётенька в накрахмаленном белом фартучке и колпаке, будто вынырнула из-за кулис, а ощущение театра Макса не покидало с самого начала

грандиозного спектакля. Тётенька громыхнула увесистой супницей об стол и простодушно рявкнула:

– Щи!

Макс вздрогнул от её излишне громкого «щи», сломал брови и поперхнулся вопросом:

– Что?

– Щи из капусты свежей, со сметаной.

– Ну щи, так щи.

Ошалевший едок уже застучал ложкой, хлебая диковинный супчик, когда повариха пододвинула блюдо с пирогами:

– Пирожки к щам!

От её «к щам» Макс аж подпрыгнул и, практически так же крича, зачем-то спросил:

– С чем?

– С чем пожелаете, Ваша светлость.

– Это как? С любой начинкой?

– С любой.

– А какой из них с ... – он почесал макушку, решив озадачить повариху, стараясь оригинальничать, – какой с олениной?

– Таких не имеется.

– Ну а с говядиной?

– Не-а, – повариха помотала колпаком.

– А со свиной, ну, или курицей, на худой конец?

– Тоже нету.

– Вы же сказали, что есть со всем?

– Так точно, всё что изволите.

Бред какой-то! Макс схватил первый попавшийся пирожок, раскусил – рыба. Взял второй – рыба, полез на другую сторону блюда – опять рыба.

– Так все ваши пирожки только с рыбой!

– Нет, есть ещё с вишней, вон там, – она кивнула на дальний край стола.

– А с мясом почему нет?

Повариха округлила глаза, обретя ещё большее сходство с коровой:

– Кто ж нынче мясо-то ест? Мы что, волки что ли? Ну и шутник вы, вот умора, – она заржала, схватила супницу и скрылась за кулисами.

Когда он покончил с щами, выбежал крохотный поварёнок, тоже в огромном колпаке, водрузил перед ним фаянсовую фондю-карусель с расплавленным сыром, мисочками с гренками из ржаного и пшеничного хлеба, сухариками и кубиками багета.

– Сыр! – пискнул мальчик и смылся восвояси.

Макая в сыр наколотый на длинную двухрожковую вилку кусочек хлеба, Макс обратил внимание, что возле его возвышения выстроилась очередь молоденьких девах, оживлённо спорящих и истерично машущих веерами.

Он, по обыкновению, подозвал к себе виночерпию, щёлкнув пальцами:

– Милочка, а что за суета, куда очередь? О чём спорят-то?

– Не «куда», а «к кому», – брякнула полуголая, доливая в бокал гранатовый нектар.

– Так к кому же?

– К Вам, Ваша светлость, а спорят, кому первой с вами танцевать.

– Танцевать? Со мной? Какая им радость с того? – Макс испуганно глянул на тарашащихся на него красавиц.

– Так то – награда, большая удача! Нечасто вас так увидеть можно... вживую, а тут ещё и потрогать, – виночерпия робко коснулась его плеча, с глубоким придыханием.

От смущения Макс встрепенулся, гренка упала на пол, пушистый песец быстро схватил её и сиганул за кулисы.

– Песец?!

– Шпиц! – визгнула полуголая и спросила, – танцевать изволите?

– Я не умею, никогда не пробовал.

– Все не умеют, но танцуют. Встряхните жирок, Ваша светлость, уважьте интерес барышень.

Макс и правда никогда не танцевал, даже в школе. Прятался в тени от одноклассниц, хотя мог и не прятаться – кому он нужен, контуженный, а тут – такой интерес, ажиотаж вокруг его никчёмной персоны. Не имея никакого опыта оболыщения, он с трудом вылез из-за стола и обречённо поковылял к самому краю сцены. Девахи заткнулись и подались вперёд, так часто хлопая ресницами, что поднялся ветер. Макс спрыгнул вниз, естественно, едва не упав, и тут же налетел на широкий открытый бюст одной из модниц. Уткнувшись носом в глубокую ложбинку, пахнущую розами, он вконец ошалел, а когда очнулся, уже кружился на заплетающихся ногах. Девушка, звеня смехом, так его раскрутила, что ему почудилось, будто он едет в метро, прилипнув лбом к стеклу двери, рассматривая огни тоннеля. Мелькали люстры, лица, музыканты. И вдруг нахлынуло счастье, отыскалось то чувство, которое он потерял ещё задолго до побега матери. Нет, конечно, радость возникала в нём иногда, особенно в моменты работы над книгами, но здесь, сейчас, она проявлялась острее, жарче, чище, не попачканная слякотью разочарования. Макс улыбнулся девушке в ответ, сделал ещё пару кругов и схватил другую, не менее очаровательную партнёршу, потом следующую и следующую. Почувствовав усталость, набравшись наглости, он позвал девиц за свой стол. Сидя в окружении ослепительного гарема, он пребывал в таком блаженстве, что вовсе забыл о своей зажатости и долбаных комплексах. Цепи рухнули, жалобно лязгая под каблучками красавиц.

Принесли исполинский торт, многоэтажный, с забавными марципановыми фигурками зверушек, ёлочек и цветочков. Тортяра был таким огромным, что пришлось убрать всё лишнее со стола, оставив только алые чашки на блюдцах и тарелки с десертными вилокками.

Макс постучал вилоккой по чашке:

– Слушайте анекдот: Волочкова выпустила новую книгу – «Я и бал». Девочки, подскажите, как прилично спросить эту книгу в магазине?

Барышни вспыхнули румянцем, прячась за веера. Повисло томительное молчание. юмористу сделалось стыдно, он начал жалеть, что распустил неловкий язык. Но вдруг одна из красавиц, та, что постарше, прыснула смехом, а потом и все остальные залились. Он вновь воспрянул, подцепил злосчастную цепь мыском ботинка, отшвырнул моральные путы ещё дальше, и начал сыпать анекдотами и байками из жизни своей и услышанными. В общем, его шероховатый язык нашёл подход к этим нежным ушкам, увешенными шикарными серьгами.

Особо раскрасневшаяся деваха, слизывая крем с губы, прислонилась к его плечу и, мягко подтолкнув локотком, шепнула:

– Максим, а не кажется ли вам, что время проветриться? – и, пока он тормозил, взяла его под руку и вывела из-за стола.

Они нырнули за тяжёлую портьеру и очутились в узком проходе, с редкими факелами на стенах. Он послушно следовал за призрачной тенью девушки, почти не видя её силуэта, ориентируясь на шорох платья. Сделав бесчисленное число поворотов, парочка оказалась в полутёмном будуаре, больше смахивающем на игрушечную комнату кукольной принцессы. Сводчатый потолок, синие обои, золотая вязь, слабый свет от камина, облицованного ониксом пастельно-зелёного цвета, картины, вазы, резное трюмо, статуэтки из слоновой кости.

Чувственный интерьер вскружил Максиму голову, а когда он присел на широченную кровать с балдахинном, то сразу же начал тонуть, погружаясь всё ниже и воспаряя всё выше. Спутница оставила его на минуту, обещая вернуться. Он откинулся на спину и с наслаждением,

предвкушая много большего, закрыл глаза. На кровать прыгнула кошка и приятно заурчала. Его окутало бархатное тепло.

– Золушка, просыпайся, – кто-то тормозил его за ногу, – Новый год проспидишь, – этот кто-то пощекотал ему пятку.

Макс открыл глаза: у дивана стояла Вероника, улыбаясь во весь рот:

– Выспался, соня? Как сон?

Ника переделалась, теперь она выглядела ещё шикарней. Густые волосы зачёсаны наверх, прихвачены инкрустированным мерцающими камешками крабиком, пружинки-локоны ниспадають на нежные щёчки, в ушах жёлтые серёжки-полумесяцы, вечернее маковое платье с глубоким вырезом, туфли на высоком каблучке с тонкими ремешками вокруг хрупких щиколоток. В её облике всё изменилось, от прежнего образа остался только кулон, покачивающийся, как луна над холмами.

– Макс, язык проглотил? Пошли, – она развернулась и вышла, но он успел оценить ещё более глубокий разрез платья на её спине.

Соня встал и поспешил за ней.

– Мне как-то неловко в своём прикиде. Ты в таком наряде, а я вот в этом, – он оттянул рукав юзаного свитера в катышках и зацепках, – мне бы... Макс не успел закончить мысль, так как только теперь заметил разительные перемены, случившиеся на кухне. Во-первых, она стала больше раза в три, а то и четыре, во-вторых, стол был уже овальный, изысканно сервированный, плюгавенький диванчик превратился в кожаную раковину, человек на пять, всюду завихренистые подсвечники, салфеточки, зайчики, пингвинчики — целый плюшевый зоопарк.

– Ну, так сходи, переоденься, – ответила Вероника, вернув его к беседе.

– Куда?

– В комнату, в шкафу поищи, там полно всего.

– Там же нет шкафа.

– Есть, если приглядеться. Возьми свечку побольше, а лучше две.

Макс зашёл в комнату и, к своему удивлению, обнаружил здоровенный шкаф, а дивана уже не было. Он не хотел сильно выпендриваться, поэтому сразу отнёс в сторону напыщенные смокинги и фраки, а просто надел свежую белую футболку и оливковый кардиган на пуговицах. Уже закрыл створку, но вспомнил, что от окон прилично сквозило, а у Ники спина голая. Покопавшись в тряпье, наткнулся на зелёный кашемировый палантин и, довольный, зашаркал обратно на кухню.

Вероника оценивающе осмотрела его:

– Не фонтан, но сойдёт. А палантин-то зачем?

– Ну, от окна сифонит, а ты там сидишь, ну, я и подумал, мол...

Ника одарила его улыбкой, подошла и повернулась оголённой спиной, подставляя бело-снежные плечи. Макс осторожно укрыл девушку палантином, уставившись на изящную шею. А как она благоухала! Как жасминовый куст!

Почудилась скамейка, сквер и поцелуй под пледом но́чи, их губы против полумер и руки тоже очень против.

– Давай дёрнем по бокальчику, старый год проводим. Открывай просекко!

Ника подмигнула ему и провела пальчиком – тем самым, с бронзовым кольцом – по ободку фужера.

Макс, не владеющий данным навыком – шампанское он никогда не открывал, так как Новый год вовсе не праздновал, а просто ложился спать, натянув наушники, чтобы не слышать ликующего грохота города – завозился с тугой пробкой. И когда она выстрелила, то едва не угодила ему по лбу. Пена упорно лезла из высоких фужеров на свободу, стекая по хрустально,

как снежная лава. Макс, естественно, не учёл дерзкого норова праздничного напитка, поэтому и плеснул от души. Шампанское тут же накатило. В глазах божественной хозяйки засияли звёзды, а потом она отвела всепоглощающий взгляд и подцепила вилкой кусочек сыра. Макс сразу вспомнил сырное фондю, даже сливочный вкус и хруст сухариков.

– Ника, а почему ты меня про сон спросила?

– Ты бы видел свою блаженную физиономию, – Вероника отправила ломтик сыра в красиво очерченный медного оттенка помадой рот. – Будто в гарем попал, сразу стало понятно, что снится что-то – сады Эдемские, никак не меньше.

Она вдруг перепрыгнула с интересующей его темы беседы, громко воскликнув – видимо, отвечая самой себе на более важный вопрос:

– Точно! Что-то мне огурчиков захотелось, – и полезла за шторой. Достала с подоконника тарелку с уже тонко нарезанным свежим огурцом, продегустировала зелёные слайсы, почмокала и кивнула на щедрое окно. – А ты чего хочешь? Ну, там, помидорки, оливки?

– А что, всё есть?

– Да, ну, почти.

– А пирожки с мясом есть?

– Нет, Максик, – грустно выдохнула Ника. – Только с рыбой, – шутница хитро прищурилась и деловито повторила фокус, выудив из-за штор блюдо с овощной нарезкой.

– У тебя там склад, что ли? Я с ума схожу?

– Да все мы мальчика с приветом, и нет там никакого склада, ты тоже так можешь.

– Как так?

– Ну, получать то, что хочешь, – видя, что Макс в непонятках, она пояснила, – ну, цели достигать. Главное – захотеть взаправду.

– Типа визуализация, что ли?

– Не, это брехня. Нет, она, конечно, может подсобить. Крошечку, – Вероника подцепила на пальчик крошку сыра и поднесла к его носу. – Вот такую.

Макс уставился на жёлтую горошину, а та разрослась до футбольного мяча и звонко схлопнулась. Фарфоровый зайчик возле мельхиоровой сахарницы поджал ушки и зарылся под салфетку.

Макс потряс головой, избавляясь от звона в ушах:

– Я что, как ты, могу предметы являть?

– Как я – нет, а как ты – да, – она встала и позвала его за собой.

Они опять пришли в ту комнату. Теперь не было ни дивана, ни шкафа, зато на стене висела огромная картина.

– Смотри, – Ника встала у него за спиной, он почувствовал её тёплое дыхание.

– Что ты видишь?

– Море.

– Спокойное? Волны большие?

– Нет, маленькие

– А ветер?

Подул лёгкий бриз, донёсся крик чаек.

– Корабль видишь?

– Нет.

– А если на нём я?

Макс старательно пригляделся и заметил белый парус. Яхта стремительно приближалась к нему, становилась всё больше и больше, ветер усилился, поднялись волны. Казалось, ещё мгновение, и яхта выпрыгнет из картины. Но в последний момент она легла на борт, солёные брызги окатили Макса с головы до пят. Морская вода хлестала через раму, на паркете билась пёстрая рыбка, раздувая жабры. Он вытер лицо, проморгался и разглядел на яхте Веронику

в маковом наряде, кутающуюся в зелёный палантин. Она помахала ему рукой, и яхта так же стремительно удалилась за горизонт. Макс стоял в солёной луже ошарашенный, мокрый и восторженный.

– Ну... увидел корабль?

– А то!

Вероника подошла к рыбке, подняла её и швырнула обратно в море:

– Теперь понял? Стоит по-настоящему захотеть, и вуаля, мечта на блюдечке.

Ника вытерла руки палантином.

– Давай, переоденься, Крузенштерн, а то простынешь.

Макс полез в шкаф, который спокойно поскрипывал створкой на своём обычном месте. Снова надел футболку – только бирюзовую, тёмные джинсы, точь по размеру, было уже взял новый пуловер красивой вязки, но повстречал любимый старый свитер. Сердце защемило – как-то жалко стало бедолагу, да и в греющих качествах верного друга он не сомневался, а согреться ему сильно требовалось, продрог основательно на ветру-то. Так что потрёпанный свитер вернулся на хозяина. Макс на всякий случай попрощался со шкафом и вышел в коридор.

Ника в дымчатой шубке уже поджидала его в прихожей:

– Пошли фейерверки заценим.

– Куда?

– На крышу, точнее, из люкарны полюбуемся, а то свалимся, крыша-то покатая.

Преодолев ржавые ступеньки лестницы на чердак, они оказались под сводами крыши.

Ника распахнула круглое окошко и наполовину высунулась на улицу.

– Не зевай, а то вакантное место займут!

Шутку дивергент воспринял по-своему, как угрозу любви. Страшась проиграть мнимому сопернику, он вихрем долетел до «своей» девушки и тоже по пояс свесился наружу.

Город был как на ладони. Макс уже не задавался вопросом, как это с крыши трёхэтажного дома открывается такая панорама – чудеса стали нормой после встречи с Вероникой.

– А где салют?

– Сейчас будет.

– Так Новый год не наступил ещё.

– А я сейчас хочу.

Показались первые редкие вспышки.

– Ха, что я и говорила, эмпирический результат. Главное – это желание! – радостно воскликнула Ника и впилась пристальным взглядом в ночное небо.

Вспышек стало больше. Засвистели ракеты, затрещали петарды, звёзды гроздьями, веер всполохов. Феерия красок, от холодных синих до обжигающих рдяных. Пытаясь поймать искры в ладони, Макс едва не вывалился из крохотного окошка – так увлёкся невиданным зрелищем. Да ещё этот умопомрачительный грохот – немудрено что он не расслышал, как затрещало старенькое ограждение под его натиском. Но Вероника быстро вернула его обратно, никак не прокомментиовав эту сумасшедшую тягу к прекрасному, а ротозей, с сияющим детством лицом, даже не заметил, как она схватила его за воротник пуховика и поставила на место.

– Красиво тут у вас.

– У нас? – Макс изумлённо посмотрел на волшебницу.

– А вы не цените, глаза поднять боитесь.

– А почему ты сказала «у вас»?

– Да оговорила, не бери в голову.

Но как он мог не брать Нику в голову? Она так плотно засела в его котелке, что он не представлял, как это – опять потерять её, не слышать бархатного голоса, не дышать её ароматом... Макс ещё плотнее прижался к шубке, напуганный мыслью об одиночестве. Праздничное настроение сменилось скользким страхом. Ему стало холодно, он задрожал, и горячие слёзы побежали по щекам.

- Максик, ты что? – Ника взяла его лицо в ладони.
- Ты опять исчезнешь?
- Не драматизируй, всё хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо...

Уже сидя на кухонном диване, он всё ещё чувствовал вкус её помады. Макс так улетел, когда она его поцеловала, что не помнил, как они вернулись. Пытаясь сохранить сладкий жар на своих губах, он опасался закрывать рот, кротко сгорбился и медленно сипел на дольку огурца.

Вероника, желая подстегнуть его вёлое настроение, сама наполнила фужер до краёв. Потом скептически хмыкнула и продолжила лить шампанское. Но игристый напиток, вопреки ожиданию, не побежал через край, нет – просто фужер становился больше.

- Вот так, самое то.

Ника двумя руками поставила перед ним что-то похожее на вазу для гладиолусов и командовала:

- Пей!

Макс совсем приуныл:

- Прости, но это уж слишком, я не справлюсь.
- Так, нос кверху, хвост пистолетом, и вперёд. Пей! А то обижусь.

Острастка возымела должный эффект. прилежный тихоня с трудом поднял вазу-фужер и, дивясь своей жажде, осушил хрустальную ёмкость.

Праздник не заставил себя долго ждать – таким пьяным скандалистом Макс никогда не был. Он пел песни, всячески умничал и на пике возбуждения полез через стол целоваться с Никой, разбив тарелку. Так и не добравшись до предмета страсти, начал гоняться за плюшевым зоопарком. Даже курица-грелка вспорхнула с заварного чайника и, истерично закудахтав, спряталась где-то в прихожей. Окончательно осмелев, герой-любовник повторил попытку обнять Нику, но она постоянно ускользала, задорно смеясь и убегая всё дальше и дальше, прячась за стволы деревьев в откуда-то взявшейся берёзовой роще. Солнце так шпарило, что ему стало жарко. Дебошир скинул свитер, хохотушка уже была в белом просторном сарафане и босиком. Макс носился за мелькающей в свежей листве девушкой, пытаясь ухватить её за косу с вплетённой маковой ленточкой. Отчаявшись догнать красотку, охотник повалился на зелёный ковёр и уставился на небесную лазурь. Ника присела рядом и водрузила на его перегретую голову ромашковый венок. Накатила приятная звенящая прохлада, пульс замедлился. Безмерное счастье, грудь разрывалась от любви. Голубки повздыхали, обменялись улыбками, встали и уже спокойно вернулись за стол.

– Ну что, весельчак, время поджидает, уже без пяти двенадцать, откупоривай вторую бутылку, а я сейчас, мигом, – Вероника вышла из кухни, а Макс, наученный опытом, принялся осторожно возиться с шампанским.

Хозяйка обернулась за пару минут, кинула на диван оранжевый джемпер. Только теперь Макс обратил внимание, что сидит без свитера.

- Чего тарачишься? Ты свой в роще потерял. Давай, откупоривай, пора.

Только она сказала «пора», как забили куранты, отсчитывая секунды до Нового года, причём так громко гудели, будто Кремль телепортировался во двор.

Она смеётся птичкой звонкой и поздравляет от души, а он глазами ест девчонку, рискуя взглядом задудить.

– Макс, а ты на оленях катался? – Ника уже перебралась на диван, поджала ноги и облокотилась на его плечо. Её волосы приятно щекотали ему щёку, а аромат теперь был апельсина с корицей.

– Нет, – Макс помотал головой, стараясь плотнее прижаться к душистым волосам.

– А хочешь?

– А ты?

– Неважно, чего я хочу, важно, что ты хочешь.

– Лучше в карете, по заснеженной Москве.

– Не проблема, взлетай!

Они вышли из подъезда под белые хлопья снега и жёлтый свет уличных фонарей. Сугробы в человеческий рост жались к стенам невысоких домов, редкие прохожие вальяжно прогуливались вдоль мерцающих окон. Никакого уродливого новодела, никаких аляповатых вывесок – тонкая, чистая красота.

Снег сладко хрустел, отзываясь на каждый шаг, не жалобно хлопал, изъеденный солью, а пыхал завидным здоровьем. Макс не удержался, подбежал к пушистому бархану, зачерпнул снега в ладони, намереваясь попробовать на вкус эту сахарную пудру, а Вероника, пользуясь случаем, толкнула его в спину, и он упал лицом в сугроб. Она дождалась, когда ротозей перевернётся и, смеясь, как простая девчонка, плюхнулась рядом. Взяла за руку и сплелась пальцами:

– Ну как? Экологичный снежок?

– Чистейший! Вкуснятина, чай с таким пить, да торты украшать.

– Ну кушай, кушай, не стесняйся.

Макс снова зачерпнул снега и отправил себе в рот.

Ника импульсивно сжала его ладонь:

– А смотри звёзд сколько! Планетарий отдыхает.

Снег всё продолжал падать, а небо было абсолютно ясным.

– Месяца не хватает, – ляпнул Макс и поспешил исправиться, – ну, для полной картины.

– Вот зануда, – Ника села и стала снимать серёжку. – Побуду Золотой Рыбкой, чего для друга не сделаешь!

Она зажала серёжку в кулачок, хорошо размахнулась и швырнула на небо.

Через мгновение Макс уже пялился на медно-жёлтый месяц, покачивающийся на лёгком ветерке.

Послышался звон бубенцов.

– Максик, давай лучше на санях прокатимся, – Ника подбежала к дороге и махнула рукой, будто ловит такси.

Остановилась запряжённая тройкой серых лошадей расписная резная повозка. Нетерпеливое фырканье, клубы пара. Сразу навеяло знаменитые строки: «Ямщик сидит на облучке в тулупе, в красном кушаке».

Забравшись на пассажирскую скамью, выстеленную мехом, они откинулись на высокие подушки, и Вероника по-барски скомандовала кучеру:

– Гони, родимый, гони!

Макс не ожидал такой прыти от лошадок, его вдавило в сиденье, будто он ехал не на санях, а на спортивном родстере с движком в триста гнедых. Снег залетал в рот, залеплял веки, но это обстоятельство нисколько не мешало ему таращиться во все глаза на волшебный город, на звёзды, на Нику. А она, совсем опьянев от счастья, встала, и держась правой рукой за ворот его пуховика, вскинула левую вверх и громко закричала – так, что лёд на реке зазвенел:

– *Замелькали окна, крыши, лента жёлтых фонарей, разум шепчет: «Тише, тише», а душа кричит: «Быстрее!»*

– Гони, родимый! Быстрее гони!

– Сделаем, барышня! Сделаем, – прохрипел кучер, пришпорил лошадей, и сани понеслись пуще прежнего.

Завихренистые воздушные потоки вынудили Макса прикрыть лицо ладонями и утонуть в пуховике, а бравая Вероника не переставала шутить и пихать неженку локотком, обращая внимание, на тот или иной шедевр архитектуры.

Улица не заканчивалась, а только становилась шире. Постепенно исчезли все дома, звёзды и месяц растаяли в плотной стене снега, поднялась сильная метель.

– Где мы?! – Стараясь перекричать вьюгу, проорал Макс.

– Не слышу!

– Я спрашиваю, где мы едем?! – Он уже кричал ей прямо в ухо.

– В степи какой-то! Нравится?!

– Не особо! Глаза сводит!

– Так закрой!

Он закрыл глаза, ветер стих, а когда снова открыл, их сани уже катили вдоль чудесного бульвара, в привычном окружении старой городской застройки.

Ника тормознула повозку, рассчиталась с кучером, высыпав целую горсть монет в его увесистую лапу. Кучер так раскланялся в благодарности, что едва не свалился с облучка.

Когда они отошли на уже приличное расстояние, Макс обернулся, кучер снова начал кланяться.

– Ты сколько ему отвалила?

– Шут его знает, я не считала. Сколько было монет, столько и сыпанула.

– Золотых?

– Наверное, вроде жёлтенькие были, – вдруг Ника остановилась, поправила ему шарф и застегнула молнию пуховика до упора. – Что-то вы хрипите, батенька, видать, со снегом переусердствовали. Надо подлечиться, – она взяла его под руку и привела в какую-то забегаловку.

Замёрзшие гулёны спустились по крутой лестнице в полуподвальное помещение. Внутри было шумно, основательно накурено, но запаху жареной колбасы эта вонь не помешала добраться до ноздрей Макса. Он жадно сглотнул слюну, мысленно расправляясь с колбаской, потом с картошечкой в сметанке, присыпанной укропчиком, а потом Ника потащила чавкающего гурмана за рукав к свободному столику у стены. Они сняли верхнюю одежду, повесили на рогатую вешалку и приземлились на массивные табуреты.

– Макс, открой окно, дышать нечем.

Он отдернул грязно-жёлтую шторку и растерянно уставился на грунт.

– Ника, здесь земля.

– Открой форточку.

Макс пожал плечами и полез на усыпанный дохлыми мухами подоконник, чтобы дотянуться до шпингалета. С трудом справившись с присохшей задвижкой, раскрасневшийся от натуги, он плюхнулся обратно на дубовый табурет. Потянуло свежим воздухом.

Работники кабачка упорно игнорировали столик чудаковатых гостей. Вероника громко окликнула взъерошенного парня в затрапезном фартуке. Когда она делала заказ, взъерошенный постоянно косился на распахнутую форточку, кривя губу.

Принесли графинчик водочки и расстегаи с рыбой. Макс порывался заказать колбасы, но встретившись с осуждающим взглядом своей спутницы, резко передумал, да и румяные лодочки выглядели достаточно аппетитно. Он взял пирожок, только куснул, и в этот момент истошно заголосили пьяные бабы, затянув похабную песню. Ника требовательно постучала ногой по рюмке, Макс спохватился и с пирожком в зубах налил ей ледяной водки, ну и

себе соответственно. Она залпом выпила и снова уставилась в окно, он тоже лихо опрокинул рюмку и сразу же закашлялся, взхлёб хватая воздух из форточки. Нике было не по себе – он заметил, что её плечи постоянно вздрагивают, а ресницы надолго опускаются и не хотят подниматься. Ей явно не нравилось быть здесь, но он опасался тормозить её, докучать вопросами, помня взбалмошный норов загадочной феи. Макс перевёл блуждающий взгляд на сводчатый потолок утонувшего глубоко в земле, на целый этаж, а может, и больше, приличного с виду дома. Подвал, в котором они сейчас выпивали, вряд ли таковым являлся изначально. Размеры окон, декорация перекрытий говорили об обратном. Когда-то это был первый этаж, а может, и второй, кто теперь скажет? Вероятно, там, в углу, играли на рояле, а у той стены стояли стеллажи, набитые умными книгами. Или вовсе, прямо по центру, в свете хрустальной люстры статные кавалеры в шегольских нарядах и кисейные барышни в накрахмаленных пышных платьях, сияющих девственной чистотой, кружили мерный вальс.

Сегодня иначе – грустный и гнусный, циничный разворот на сто восемьдесят градусов, будто на милую картину выплеснули ведро с помоями. Едкий дым выедал глаза. Макс пару раз сильно моргнул, зрение частично вернулось. Ему порядком надоело щуриться на сизое плотное марево. От громких криков занули уши, от воплей и звона посуды щемило сердце. Чтобы добить его душу окончательно, похабную песню подхватили пьяные грубые голоса, к противному вою баб добавился чавкающий хрип мужиков. За соседнем столиком грязный разговор начал перерастать в драку. На Нику свалилась вешалка, девушка испуганно сжалась, как крохотный котёнок, и зажмурилась. Макс пружинисто вскочил, непотребно выругался, сгрёб в охапку пуховик и шубку и поволок Нику к выходу. Она на мгновение остановилась и швырнула на столик целковый. На пороге «рыцарь» обернулся: серебряная монетка продолжала весело танцевать, постукивая по графину.

Они уже долго шли по бульвару рука об руку и упрямо не разговаривали. Молчание удручало, но вклинить в тугую тишину с кондачка – нужен определённый навык общения, тем более, когда рядом находится небезразличная тебе девушка. На интуитивном уровне Макс понимал, что слово за ним, оттого и покраснелся, усиленно качая кровь в свои простуженные мозги. Детские приколы, школьные печальки, туповатые анекдоты и прочая подобная белиберда определённо не сочеталась с атмосферным променадом. Бомбить комплиментами тоже казалось глупым. Вопрос-нежданчик родился сам:

– Ника, а почему ты сама не предложила уйти?

– Я хотела, чтобы ты решил.

– А зачем мы вообще туда зашли? Ты же наверняка знала, с чем мы столкнёмся?

– Откуда? Просто хотела, чтобы ты горло прогрел, – она подцепила мыском сапога кусок льда и швырнула под лавочку. – Я не понимаю, почему людям нравятся такие клоаки? Ты видел их морды? Они же на свиней похожи, даже хрюкали так же. А те бабы? Разве можно их женщинами назвать? Таких поэты возвышают? Столько красоты вокруг, оглянись! Какие цвета! Каждый метр – например, вот этот бульвар – достоин полотна. Я вот постоянно спрашиваю себя: а во что бы человечество превратилось, если бы чудиков не было?

– Чудиков?

– Ну, художников, поэтов, писателей, – Ника махнула рукой на великолепный дворец, – архитекторов, вот таких, как этот, а не тех, что коробок налепили, больше на улыбки похожих. И чем дольше размышляю, тем яснее понимаю, что вся эта суэта мирская – это просто грязный холст, который надо замазывать краской сочной, да пожирнее. Так что мазюкай, Макс, не стесняйся.

– Да я не умею рисовать-то.

– Умеешь, только словами, это то же самое, те же пятна, так нужны вашему миру.

Опять её загадочная оговорочка – «вашему миру»...

Через час шатания по широким бульварам Ника пожаловалась, что она замёрзла и хочет домой, до которого, по её словам, оставалось минут сорок пути. Макс блеснул идеей вызвать такси, но вызвал лишь улыбку на порозовевшем личике спутницы. Она прыснула на него клубочком пара и свернула в узкий переулок:

– Наискосок в два раза быстрее. Под ноги смотри, а то ненароком забулдыгу придавишь или кошку.

Полезное наставление Макс проигнорировал, он любовался только ею и, вскользь, бурыми кирпичными стенами, что и стало причиной его неоднократного падения.

Момент, как они проскочили в арку её двора, он благополучно упустил, зато в подъезд шагнул вполне осмысленно.

Она остановила его:

– Макс, я устала, да и светает уже, тебе тоже спать пора. Сказка закончилась, – Ника мельком поцеловала его в щёку, бросила дежурное «до встречи» и скрылась за шершавой дверью, однако вскоре сразу вышла. – Вот я растяпа, забыла тебе подарок подарить.

– Так и я не подарил, – Макс театрально схватился за голову и заохал, – болван неотёсанный, сельский олух!

– Мальчик, не сокрушайся, ты мне ночь незабываемую устроил. Зарядил позитивом на год вперёд.

– Я?

– Ты, ты, – Ника потыкала кулачком ему в грудь. – Кто же ещё? На вот, держи кольцо, – она стянула бронзовое кольцо-печатку со своего тоненького пальчика и положила на его ладонь.

– Смотри не потеряй... хм, болван...

Макс проводил любовь взглядом, сжал ладонь, побоявшись надеть подарок на улице – вдруг кольцо в снег упадёт – и так и пошёл до самого дома со стиснутым до боли кулаком, будто грозил невидимым грабителям и прочим нехорошим представителям человечества. Он даже попал в конфузную ситуацию, когда пытался открыть дверь своей квартиры, потому что левой рукой сначала долго не мог достать ключи из правого кармана, потом не получалось попасть в замочную скважину, и только спустя полчаса неравного сражения всё же ввалился в прихожую. С помощью левой руки наконец-таки разжал правый кулак и с громким выдохом облегчения трепетно положил кольцо на тумбочку.

Уснул моментально, стоило голове коснуться подушки, лишь пару раз успел мысленно обнять Веронику и тотчас отрубился.

Очнулся около пяти вечера, за окном снова было темно. Макс потянулся за смартфоном, открыл папку с фотками и... тот единственный снимок, который Вероника позволила ему сделать, исчез.

– Мне что, всё приснилось? – сердце затрепыхалось.

Скользя носками по ламинату, больно ударившись мыском о порог, голосащий увалень влетел в прихожую, несколько раз хлопнул ладонью по стене, пока не попал по переключателю, и как только вспыхнул свет, вцепился в бронзовую печатку, как тонущий за спасательный круг.

– На месте! На месте! – надрывно прохрипел безумец и уселся на пыльный половичок прямо поверх мокрых ботинок, где и продолжил лобызать главную улику, опровергающую теорию вымысла. В прихожей было темновато, но он смог разглядеть причудливую вязь. Хитрый узор переплетался с таинственными буквами, строчки бежали по спирали, ныряли на внутреннюю сторону, выныривали обратно, замыкаясь в магический круг. Макс примерил кольцо

на указательный палец, вспомнив, что так носила Ника, но оно застряло на первой фаланге. Пришлось хорошенько послунывить мизинец.

– Вот и хорошо, точно не потеряю. Прилипло намертво!

Макс ещё раз приложил драгоценный подарок к губам и пошёл ставить чайник.

Попивая из большой кружки кофе, покусывая дольку сыра, он размышлял о предстоящей скорой встрече, но быстро сник, услышав гнусный глас рассудка:

– Я сам купил себе печатку, просто забыл, когда и где.

Признаться, сухая реальность постоянно нашёптывала ему, что он себе всё навывдумывал, нафантазировал, мол, это игра больного воображения, лекарство от одиночества. Скоротечный приступ апатии сменила фаза вдохновения, Макс вооружился винтажной метлой, которая всегда хранилась в чулане подсознания и погнал «здравые» рассуждения за порог логики. Покончив с чёрствой действительностью, он потрогал нарядный мизинец, убедился, что тот не опух от плотного бронзового объятия, и победно прошепелявил:

– Чудеса продолжаютя...

Через час Макс уже проходил мимо того самого магазина, где они покупали просекко.

Перебежал дорогу и остолбенел: арки двора не было. Он упёрся в стену серого дома, довольно старого, с красивым декором, изящными балконами, но арки не было! Макс заметался из стороны в сторону, обогнул дурацкий дом – но и там ничего похожего... Запыхавшийся и абсолютно деморализованный, он обречённо уселся на слизкие ледяные ступени и тупо уставился на мутную красную вывеску «их» магазина. Качаясь, постоянно теребя печатку, поверженный идеалист-романтик бубнил одно и то же имя, сопливо всхлипывая, сокрушаясь, рискуя задохнуться от горечи потери.

Город куда-то спешил, невзирая на первое января. Шелестели шинами проезжающие автомобили, мелькали торопливые прохожие, и никто не обращал внимания на чудика, смахивающего на потрёпанного снегира с распухшими красными глазами.

Первая неделя была самой трудной, бесплодной и пустой. Он просто валялся на кровати, ползал в туалет и на кухню. Иногда по часу прилипал лбом к стеклу и грустно пялился на сквер, высматривая дымчатую шубку.

На пятый день самозаточения к нему заявила соседка – тётя Надя, приставленная отцом за ним приглядывать. Макс объяснил своё поведение гриппом и, выслушав тридцать минут ликбеза по исцелению, с облегчением выставил доглядчицу за порог квартиры. Несмотря на кучу дурацких советов, притворного беспокойства, визит соседки каким-то чудом всё же встряхнул его хандру. Макс снова взялся за перо, вернулся к старому рассказу и почти полностью перелопатил его. Теперь он смотрел на мир иначе, под ещё более острым углом. На шестой день он впервые вышел на улицу и, конечно, ноги сами принесли к её дому, точнее, туда, где дома не было. Постоял часок, томно похрюкал и отправился в «ту» кондитерскую, потом в «тот» антикварный салон, а закончил вояж в том кафетерии, где впервые встретил свою незнакомку. Этот маршрут стал негласной традицией и повторялся каждый день, но дымчатая шубка так и осталась за подъездной дверью старого трёхэтажного дома-невидимки.

А мираж нельзя потрогать, и не скрыться от теней, плачут грязные сугробы хлеще проливных дождей.

Часть вторая

Весна на подоконнике, весна за тонкой шторкой. Последнее время Макс вставал рано, а ложился до десяти вечера, а то и раньше – не хотел упускать белые дни, чернота тяготила его. Хотя нередко он просыпался посередине ночи и, точно зная, что уже не заснёт, плёлся на кухню, садился за ноут и начинал малевать свой мир, светлый и сочный, пёстрыми пятнами. Мир, где любовь находит героя, где добро побеждает зло. Сегодня он спал дольше обычного и на редкость хорошо. Снилось она, что-то весело рассказывала о... О чём? Макс попытался склеить разрозненные кадры сновидения в упорядоченный фильм, но не смог. Сожалеея о забытом разговоре, он отважно распахнул шторы.

Апрель приплясывал на крышах домов, тёплые лучи добивали последнюю чумазую кучку снега, окопавшуюся под толстым деревом. В лужах сквера забавлялись воробьи, а на сухих островках асфальта играли карапузы в цветастых комбинезонах и смешных шапках. Жизнь побежала по новому кругу – от весны до весны.

Позагорав ладонями на подоконнике, понюхав свежий сквознячок, Макс сладко потянулся и поплёлся ставить чайник.

Кулинарить он ленился, готовил впопыхах, да и ел так же, бегая глазами по строчкам своей писанины, исправляя ляпы, добавляя интриги или красок. Сегодня у него встреча с издателем. Экономя на мелочах, удалось скопить достаточное количество денег на небольшой тираж. В этот раз он не прозевает, всё сделает как надо. Подцепив вилкой шматок яичницы, пред мысленным взором вдруг всплыло слово «зоопарк». Макс сунул ошмёток нехитрой снеди в рот и, механически жуя, начал сознательно реконструировать ускользящее сновидение.

Вероника ходила вдоль вольеров, что-то ему говорила, потом села на лавочку, он зачем-то полез в клетку льва, но сетка не заканчивалась, над ним все смеялись, гоготали, махали крыльями, хлопали в лапы, ласты, копыта.

– Обедом пожелал стать?

Кто это спросил? Она? Или нет? После очередной попытки преодолеть препятствие он соскользнул в лужу, обернулся – Ника уже ушла. На лавочке лежал зелёный палантин.

Макс доел завтрак и пошёл одеваться. Натянул счастливый оранжевый свитер, поправил печатку, а когда завязывал шнурки, вновь усталился на кольцо:

– Хм, опять зоопарк.

Он и раньше ему снился, но в тех снах Вероники не было.

– Может, она хочет, чтобы я туда приехал, ждёт?

Сбегая по ступенькам, Макс не переставал ругаться. Причём вслух, даже не обратил внимания на ворчливого соседа.

– Дегенерат, раздолбай, как я раньше-то не догадался? Ника слов на ветер не бросает. Раз однажды упомянула – значит, это важно, и боже упаси логику искать – просто важно, и всё! Подмывало безотлагательно ломануться к цели, но Макс всё-таки изменился, поэтому сначала поехал в редакцию утрясти рабочие моменты, а мысли о зоопарке каким-то чудом смог оставить на потом.

То самое «потом» случилось сразу, как только он вышел из офиса. Стоило захлопнуться подъездной двери, застучало сердце, заблестели глаза. Макс прыгнул в метро и теперь уже не отпускал мысль о возможной встрече, такой важной, самой долгожданной. Поезд еле плёлся, буквально полз, спотыкаясь о шпалы, сонные пассажиры зевали, широко раскрывая неприкрытые рты, остановки тянулись невыносимо долго. Всё пропиталось затхлой вялостью, будто

воздух стал плотным, как вода, даже как масло – скользким и густым. Макс барахтался в толпе, нырял в длинные переходы, нетерпеливо топтался, тискал поручни, штурмовал эскалаторы. Неудивительно, что он попутал станции, и лишь с третьего захода коварная подземка выплюнула его наружу, основательно пожёванным и обслюнявленным.

Взъерошенный и вспотевший Макс подбежал к кассам, купил билет и, вдоволь навоевавшись с турникетом, наконец-таки ворвался в зоопарк с громким выдохом облегчения. Уняв волнение и трепет, он зашаркал по асфальтовым дорожкам, вертя проветренной прохладным ветерком головой. Посетителей было мало. Весна, будний день, кому приспичит лужи юзать? По глади пруда скользили лебеди, у мостков суетились утки. Вездесущие голуби и воробьи пытались ухватить свой шанс за хвост, уповая на халявную кормушку. Макс убедился, что Вероники здесь нет и продолжил поиск, стараясь не заглядываться на сетки и глухие заборы – уж слишком они душу царапали.

«Орлу над горами парить надо, а не перья выщипывать от досады, а волку лес шерстить, да косуль гонять», – примерно такие комментарии он отвечивал мнимому собеседнику, шастая мимо клеток. В закрытые павильоны не заходил – сунулся поначалу, но быстро понял, что Нику там искать бесполезно: уж больно душно и воняет в этих сымпровизированных клочках природы. Макс ещё с полчаса покружил по первой половине зоопарка и по мосту перешёл на вторую часть. У вольера со львом он остановился, облокотился на перила и стал рассматривать помятого царя зверей, а тот, завидев равнодушного зрителя, принялся громко жаловаться обрывистыми вскриками и подавленным рёвом.

– Грустно.

Макс с силой вцепился в поручень, аж костяшки пальцев захрустели. Это был её голос! Её!

Он боялся пошелохнуться, словно услышал лесную птичку, совсем рядышком, на ветке и, если дёрнуться, она сразу улетит. Бедняга-сердце в который уже раз за сегодня пустилось в галоп, грудь заколыхалась.

– Грустно мне здесь, терпеть не могу зоопарки.

Она стояла метрах в трёх. В чёрном плаще, волосы распущены, горчичный шёлковый шарфик и здоровенные солнцезащитные очки в янтарной оправе.

– А зачем сюда приходишь? – Макс опять ляпнул этот злосчастный вопрос и пугливо суксился, ожидая непредсказуемой реакции.

Но Ника спокойно продолжила печально рассуждать, ничуть не обидевшись:

– Не знаю, душу помучить, что ли, сольцы на раны прыснуть. Ненавижу, но хожу. Можешь это мазохизмом называть, – она наконец обернулась и, пока он замер столбом, встав по стойке смирно, как оловянный солдатик, быстро подошла и подняла очки:

– Ну приветик, толстячок!

Макс зашлёпал губами, а Ника обвила его шею руками и поцеловала его невнятное ответное «привет». Он так несдержанно стиснул свою красавицу, что она ойкнула:

– Осторожней, косолапый, берёзку ломаешь!

Макс разжал горячее объятие и осмелился тоже поцеловать её в губы, но получилось в щёчку.

– Максик, придержи коней, я смотрю, ты такой пряткий стал, – Вероника сверкнула изумрудами и опустила очки.

– И как часто ты сюда ходишь? – он много раз задавал ей этот вопрос, когда проигрывал в уме их встречу, но сейчас спросил, чтобы выйти из неуклюжего положения – так сказать, сменил тему.

– Часто? Да не так уж. В этом году первый раз.

– А почему?

Ника помолчала и выдохнула:

– Уезжала.
– Далекое?
– Ой, Макс... далеко, далеко, за сто лет не доедешь.
– Когда вернулась?
– Да сегодня, и сразу сюда, думаю, вдруг здесь мой пупсик околачивается.
– Ника, а мне зоопарк снился и даже та лавочка, – Макс кивнул на скамейку за спиной. Она посмотрела на него и улыбнулась:
– Ну, значит, не зря снился, сон в руку получился, здорово.
Лев опять заревел, обращая внимание на свою персону.
– Ника, а отчего тебе в зоопарке так грустно?
– Догадайся сам. Себя спроси, тебе тут весело? Сердце пляшет? Глянь ему в глаза, ты видишь счастье? – Ника показала на льва, а тот сразу же сел и уставился на них, часто моргая и шмыгая носом.

– Что-то не очень, я клетки на дух не переношу.
– Вот и я об этом.
– Ну так подари им свободу, ты же можешь
– Не могу, – призналась Ника, поправляя янтарные дужки. – Точнее, могу, но не буду.
– Почему?
– Выученная беспомощность.
– Что? – переспросил Макс, пытаясь уловить суть её слов.
– Выученная беспомощность. Убери решётки, сетки, да хоть пенделя поддай, они не побегут в свой лес, а если кто сдуру и даст дёру, один чёрт – сдохнет. Инстинкт самосохранения вытравлен, да всё вытравлено.

– Чем?
– Страхом. Ты знал, что решётка под током? Слазь, потрогай.
Макс снова вспомнил сон: «Так вот зачем я в вольер полез! Ну и ну!»
– Ты серьёзно? Мне надо туда лезть?
– Дурак, что ли, обедом пожелал стать? – Ника схватила его под руку, – пошли, Геракл, мороженым меня угостишь, а то настроение схлопнулось.

Макс не мог сказать то же самое о своём приподнятом настроении – его душа так и пела, а в груди аж клокотало весной. Встреча с Никой – это всегда праздник. Стоило ощутить её тепло, услышать свежий аромат, как тотчас забывались муки ожидания, стиралась память о тоске.

Вот и сейчас, идя неспешно, касаясь лёгкого плеча, он волны радостей сердечных вопросами не докучал.

– Эй? – Ника пощёлкала пальцами перед его носом, – я перед кем тут распинаюсь?
Летун спрыгнул с облачка на землю и выругался про себя и вслух тоже: – Прости, замечтался.

– Бывает, – Ника подбодрила горе-ухажёра, – и пусть почаще так бывает, человек живой, лишь пока мечтает, – она подвела его к вольеру с высокой сеткой и указала на жирафа в окружении зебр. – Вот, видишь, твой полный антипод.

– Он что, мечтать не умеет?
– Почему же не умеет, очень даже умеет. Например, сейчас он представляет саванну, полную опасностей, коварную, но такую желанную.

– Тогда почему антипод?
Ника приподняла Максус подбородок и побренчала на его губах большим пальцем:
– Жирафы никогда не зевают, не умеют. А много мечтать и прошляпить свою жизнь – это две большие разницы. Вот такой занимательный нюанс.

Оставив в покое слюнявый музыкальный инструмент, она звонко цокнула языком, и несколько зебр сразу поспешили подойти к ним.

– А вот эти лошадки с тобой схожи: жутко пугливые, зато их полоски такие же уникальные, как твои строки.

Комплимент в его копилку, да ещё из уст принцессы. Макс обернулся воздушным шариком и опять полетел на пушистое облачко, но Ника потянула его за рукав к палатке с мороженым.

– Мне два шарика клубничного, – она смешно облизала губы, предвкушая лакомство, и отошла от ларька.

Кавалер взял под козырёк, купил два рожка и поспешил к ней:

– А на что ты смотришь?

– На сову.

Макс порыскал глазами по укутанной мелкой сеткой клетке:

– Так её здесь нет.

– Вот и я думаю, где сова? Неужто Кристи прихватила?

– Кто прихватил? – он передал рожок Нике, вскинув брови.

– Да есть одна шальная, не обращай внимания, так, болтаю просто. Ты лучше скажи, ты какое себе взял?

– Банановое.

– Интересно. Давай каждый свою половину съест, и поменяемся, а?

– Давай, конечно.

Солнце приятно припекало, нежно поглаживало щёки, в лужах отражались облака, гул города докучал, но не сильно, можно было его не замечать. Они вальяжно гуляли по безлюдным дорожкам, ели мороженое и говорили о той новогодней ночи, громко смеясь и перебивая друг друга, вспоминая очередной эпизод зимней сказки.

– Ника, а помнишь, я фотку тогда сделал?

– Помню, как тут забудешь, пингвины-то, как щипались, когда мы их на колени усадили, похлеще гусей. А ты почему спросил?

– Да фотка не сохранилась, файл вообще исчез.

– Ну так я же предупреждала тебя, что плохо на снимках получаюсь. Забыл? – Ника щипнула Макса за бок, – да и зачем вам эти фотки? Вы что, склеротики?

Макс, не найдя достойного аргумента, промолчал и, пользуясь паузой в их беседе, опять акцентировал своё внимание на её «вы». Она стала чаще говорить «вы», «у вас». А та Кристи с совой? Ника уже не скрывала, что она иная, но какая? «За сто лет не доедешь». Она начинала ему доверять, открываться.

Посетителей прибавилось, а тишины поубавилось, да и ноги уже гудели, поэтому Макс с Никой не спеша, но пошли к выходу.

Проходя мимо пруда, Ника остановилась:

– Макс, ты сетку видишь?

– Нет.

– А клетку или цепи какие?

Он снова покачал головой.

– Тогда почему гуси-лебеди не улетают?

– Выученная беспомощность? – брякнул Макс.

Ника помотала головой:

– Не-а, круче, – она изобразила пальцами ножницы и добавила, – им крылья подрезали.

У метро Вероника остановилась:

– Ты езжай, а у меня дела ещё есть.

Волна страха накатила на Макса, он зашатался, Ника даже придержала его:

– Да я не уезжаю... пока. Я же только приехала, встретимся ещё.

– Когда?

– Да хоть завтра.

– А где?

– Можешь зайти за мной, погуляем.

– Так я каждый день твой дом искал, он же исчез!

– Исчез? Странно, – Ника пожала плечами. – Вообще-то, я туда ещё не заглядывала. Но думаю, он на месте, не мог же дом сбежать, – она засмеялась и поправила очки.

– Ника, а давай лучше я тебя на свидание приглашу, на нормальное.

– Давай, Ромео, приглашай.

Макс почесал затылок, поблуждал взглядом по городу и брякнул то единственное, что пришло на ум:

– Под часами в шесть.

– Отлично, буду как штык.

Вероника с трудом освободилась от его объятий и пихнула Макса в поток пассажиров. Бултыхаясь в толпе, льющейся вниз по ступеням в подземку, он спохватился и успел окликнуть её:

– А под какими часами?

Ника улыбнулась и шепнула:

– Да под любимыми...

Уж как лопух себя измордовал, живого места не оставил:

– Вот debil, под часами, под какими часами? Их же в городе пруд пруди. Ну что мне с собой делать? Когда котелок варить-то начнёт?

Макс сильно постучал себя по голове, напугав пассажиров, но он не обращал на них никакого внимания и продолжал махать руками и шлёпать губами, вплоть до своей станции. Когда городской сумасшедший вышел из вагона, тот облегчённо вздохнул и «правильные» люди, по обыкновению, уткнулись в мерцающие гаджеты.

Вечером романтик вновь вышел прогуляться к её дому. Конечно, уткнулся в серую стену. А чего он ждал? Парадного входа, украшенного красными шариками? И Веронику в бальном платье на балконе? Да и балкона у неё вроде и не было. На обратном пути Макс перекусил пирожком с яблочным повидлом, вернулся в квартиру, попил чаю и зарылся в одеяло.

Всю ночь вертелся вентилятором, взбил простынь в жуткое суфле, вскочил в пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.